

СТАТЬЯ О РОМАНЕ «НОВЬ»

Публикация К. Г. Ляшенко и А. Л. Смоляк

Предисловие А. Н. Дубовикова

Судьба статьи Лаврова о романе «Новь», напечатанной анонимно в лондонском журнале «The Athenaeum» («Nov' by Ivan Tourguénief». — 1877, № 2573, 17 февраля), весьма своеобразна: говоря о последнем романе Тургенева, почти все, кто писал о нем, упоминают ее, но при этом используют только те несколько цитат, которые были приведены самим Лавровым в его более поздней статье «И. С. Тургенев и развитие русского общества». Удивительно, что за 50 лет, прошедших с того времени, когда Октябрьская революция сняла клеймо запрета с произведений зарубежной «вольной печати», никто не считал нужным переиздать у нас эту статью в русском переводе. Практически она осталась до сих пор неизвестной и читателям Тургенева и подавляющему большинству исследователей его творчества.

В результате этого в общей картине критических откликов на роман «Новь» образовалась значительная брешь, заполнить которую необходимо хотя бы потому, что среди ранних отзывов о романе, в частности, среди тех, которые исходили от деятелей революционного лагеря, статья Лаврова занимает особое место: она отличается несомненной объективностью, спокойной серьезностью тона, свободой от предвзятых оценок и приговоров. Повторив через семь лет в своей итоговой статье о Тургеневе некоторые из основных мыслей, высказанных сразу по прочтении романа, Лавров заявил, что его взгляд на «Новь» «с тех пор», т. е. с 1877 г., «не изменился» (Т. в воспр. рев., стр. 30). В свете этого авторского признания первоначальная оценка романа, данная тогда Лавровым, приобретает еще большее значение, поскольку она содержала, очевидно, не мимолетные и случайные, а глубоко продуманные суждения выдающегося идеолога революционного народничества о последнем романе Тургенева.

Историю создания настоящей статьи Лаврова надо начинать с его встреч с Тургеневым в Париже, куда он приехал на две недели в конце 1876 г. «Он мне говорил о „Нови“, которая должна была появиться в первых книжках „Вестника Европы“ 1877 г., и обещал мне прислать корректуру статьи, как только она получится» (там же, стр. 30). Вряд ли главное содержание беседы заключалось только в информации автора о предстоящем в скором времени напечатании романа — об этом Лавров уже давно знал (см., например, письмо Тургенева к нему 1/13 февраля 1876 г.). Можно думать, что во время разговора возникла также мысль о написании Лавровым критической статьи о романе, которая привлекла бы к нему внимание английской читающей публики. Только этим, а также желанием дать Лаврову возможность написать статью одновременно, следует объяснить обещание Тургенева о высылке в Лондон корректурных листов романа. Ведь если бы во время беседы речь шла только о его прочтении, подобная спешка была бы ненужной и Лавров мог бы спокойно подождать выхода в свет и доставки в Лондон первых книжек «Вестника Европы» за 1877 г.

Последующие письма Тургенева свидетельствуют, что он придавал данному им обещанию серьезное значение и был озабочен своевременным выполнением его. 28 декабря 1876 г./7 января 1877 г. он объясняет виной Стасюлевича задержку с присылкой обещанной корректуры. «Полагаю, однако, что они должны прибыть сегодня или завтра; как только я получу — то (...) пошлю один к Лопатину, с тем чтобы он так же скоропостижно доставил его вам. В этом прошу вас не сомневаться».

1/13 января 1877 г. Тургенев извещает Лаврова в короткой записке, что посылает ему «изуродованные опечатками 10 листов» — очевидно это были чистые листы из январской книжки «Вестника Европы» с текстом первой части романа. Надо полагать, что сразу вслед за этим (или немного позднее) Тургенев, получивший из Петербурга корректуру второй части «Нови», переслал один из ее оттисков, опять-таки через Лопатина, Лаврову. Через несколько дней, 5/17 января, он писал Лаврову: «Хотя я не видал Лопатина, с тех пор как я ему вручил корректурные листы „Нови“, однако

я знаю, что он их к вам отправил. А я с своей стороны прошу вас, как только вы их прочтете, препроводить их обратно ко мне, так как они мне очень нужны — и потом уже написать мне ваше мнение (которым я весьма дорожу), какое бы оно ни было — выгодное или невыгодное — безо всяких прикрас и оговорок.

Таким образом, уже в середине (не позднее 5/17) января Лавров располагал полным текстом романа. Тогда же он прочитал его находившимся в Лондоне П. А. Кропоткину и некоторым членам прежней наборки «Вперед!» (Т. в восп. рев., стр. 32). Об этом чтении и о впечатлении, которое произвел на слушателей роман, речь идет в одном из писем, вошедших в публикацию «Тургенев в материалах перлюстрации III Отделения и Департамента полиции» (см. настоящ. том, стр. 322).

К концу месяца, т. е. почти за две недели до выхода февральской книжки «Вестника Европы» с окончанием романа, статья Лаврова была готова. К этому времени он располагал уже согласием владельца «Атенеума» Чарльза Дилка (о нем см. «Лит. наследство», т. 73, кн. вторая, стр. 95—100) на помещение в его журнале статьи о новом романе Тургенева. 1 февраля 1877 г. Лавров отослал статью редактору «Атенеума» с сопроводительным письмом, которое мы даем в русском переводе:

18 $\frac{1}{II}$ 77

21 Alfred Place
Tottenham Court Road

Милостивый государь!

Я обещал сэру Чарльзу Дилку дать для «Атенеума» статейку на французском языке о новом романе г-на Тургенева. Он предложил мне направить рукопись по вашему адресу, что я теперь и исполняю. Вторая часть романа должна появиться в «Вестнике Европы» сегодня, но я читал ее в корректуре. Извините мой плохой английский язык.

Искренне ваш Петр Лавров

To the Editor of «The Athenaeum»
20 Wellington Street, Strand. W. E.

Черновой и перебеленный текст этого письма был найден А. Л. Смоляк среди бумаг Лаврова (ЦГАОР, ф. 1762, оп. 3, ед. хр. 63, лл. 1 и 3 об.). Не приходится сомневаться, что дата в заголовке письма указана Лавровым по новому стилю. Поэтому его ссылка на то, что вторая часть романа появится «сегодня», должна быть признана ошибкой — Лавров забыл, что «Вестник Европы», гордившийся своей аккуратностью, выходит первого числа каждого месяца, но не по новому, а по старому стилю.

Рядом с этим письмом в архиве находится черновой текст второго письма к тому же лицу, которое по содержанию можно датировать 2 февраля. Приводим его также в русском переводе:

Милостивый государь!

Я очень сожалею, что сэр Чарльз Дилк не сообщил вам, что рукопись будет на французском языке; он хорошо знал об этом. Я заслуживаю порицания за то, что не рассчитал размера моей статейки, но поскольку она не будет опубликована на этой неделе и мы располагаем достаточным временем, прошу вас оказать мне любезность и вернуть мою рукопись. Я сокращу статейку наполовину, исключив то, что мне кажется наименее важным для ее содержания. У меня есть некоторый опыт в редакторском деле, и я знаю, что вы чрезмерно обременены всякими рукописями, которые вам приходится читать. Я не хочу осложнять (?) вашу работу. Если вы пришлете мне рукопись обратно, то я верну ее вам в сокращенном виде — в тот же день, если получу ее утром, и на следующий день, если получу ее вечером.

То, что статейка не будет напечатана на этой неделе, не имеет значения. Так будет даже лучше, потому что г-н Тургенев опасался, что вторая часть романа может быть не пропущена русской цензурой; только через два-три дня станет известно, вышла ли вчера вторая часть.

Я написал заглавие по образцу, который нашел в № 2571 «Атенеума» (стр. 155) — «The Fortnightly Review and International Copyright», потому что я предполагал, что

статья о романе, опубликованном не отдельно, а в журнале, не может быть озаглавлена так же, как это принято в отношении отдельных книг; но если вы решите иначе, я написал бы такое заглавие: «Nov' (Virgin soil) by Mr Ivan Tourguéneff („Vestnik Jevropy“, January and February)».

Не были ли бы вы так любезны сообщить мне день и час, когда вас можно видеть в редакции с наименьшим для вас неудобством, на случай, если возникнет надобность в личной беседе.

Ваш покорный слуга

(Петр Л а в р о в)

По-видимому, предложение Лаврова было принято редакцией; статья подверглась некоторому сокращению, и в таком виде ее английский перевод появился 17 февраля в «Атенеуме».

Уже на следующий день этот номер журнала был в руках у Тургенева. Сообщая Стасюлевичу в письме 6/18 февраля 1877 г. о появлении «в лондонском „Атенеуме“ большого разбора „Нови“», Тургенев высказывал далее предположение, что автором этого разбора был А. Дилк. В свете приведенных выше данных искренность этого предположения должна быть взята под сомнение. Скорее всего это был рассчитанный шаг автора, не заинтересованного в том, чтобы его связь с Лавровым стала известна в петербургских кругах. Думается, что такое предположение не может быть поколеблено ссылкой на слова самого Лаврова в статье 1884 г.: «Иван Сергеевич едва ли знал, что она (статья в „Атенеуме“ — А. Д.) принадлежит мне» (Т. в восп. рев., стр. 30). В этом мимоходом брошенном и не очень уверенном замечании сказалась, вероятно, или ошибка памяти, или сознательное намерение не предавать огласке факт, что Тургенев был в курсе дела со статьей в «Атенеуме».

Через две недели после напечатания статьи Лаврова в «Атенеуме» он получил письмо от Н. П. Огарева, в котором старый друг и соратник Герцена сообщал, что прочел «Новь» Тургенева: «Во всяком случае, произведение замечательное, и прочесть его необходимо» («Лит. наследство» т. 39-40, стр. 597). «Откликаясь на следующий же день на это письмо, Лавров писал Огареву 5 марта: «Дорогой Николай Платонович, я „Новь“ читал в корректуре; мне присылал ее Тургенев. Роман недурен, хотя прежние его романы мне кажутся в эстетическом отношении лучше. Но направление очень недурное. В „Атенеуме“ есть очень благоприятный отзыв о нем. Если вы желаете, я вам пришлю листок, но он очень ходил по рукам и загрязнился» («Лит. наследство», т. 62, стр. 296). Содержащаяся здесь краткая оценка романа как бы резюмирует размышления Лаврова по поводу последнего романа Тургенева.

В одном из примечаний к статье 1884 г. Лавров отметил, что его статья о «Нови» была напечатана в «Атенеуме» в сокращенном виде, так как она «оказалась слишком длинной» для журнала (Т. в восп. рев., стр. 31). В архиве Лаврова сохранился черновой автограф (написанный по-французски), который содержит полный текст статьи о «Нови». Этот автограф и положен в основу настоящей публикации (ЦГАОР, ф. 1762, оп. 2, ед. хр. 327, лл. 1—5).

Упоминая об этой рукописи в статье «И. С. Тургенев и развитие русского общества», Лавров писал, что в ней «недостает нескольких страниц». Анализ автографа позволяет установить, что утрачен был лишь один лист, т. е. две страницы текста — от слов: «для класса несчастных и обездоленных...» (стр. 203 настоящей публикации) до слов: «„Хитрая механика“ <...> выдержала...» (стр. 206). Этот пропуск восстановлен в настоящей публикации по тексту «Атенеума». Несколько отрывков и отдельных фраз, приведенных Лавровым из его статьи о «Нови» в статье 1884 г., даются в этом авторском переводе. Многочисленные мелкие варианты черногового автографа в публикации не воспроизводятся — они имеют чисто стилистический характер и отражают в своем большинстве трудности, которые испытывал Лавров, формулируя свои мысли о романе на чужом языке.

Статья печатается в переводе Н. П. Панаевой (с французского яз.) и Т. М. Литвиновой (с английского яз.).

НОВЫЙ РОМАН г-на ТУРГЕНЕВА

Из всех современных русских романистов, имя и слава которых проникли в Европу, имя г-на Ивана Тургенева без всякого сомнения получило самую широкую известность, и его репутация наиболее упрочена. Многие из его произведений переведены на французский, английский и немецкий языки. Он постоянно проживает в Париже, и его близкие отношения со знаменитостями литературного и артистического мира всех стран уже давно создали ему вторую родину на берегах Сены и Рейна. Широкий гуманизм, которым проникнуто его творчество, наряду с глубоким реализмом созданных им картин и персонажей делают его произведения понятными даже для тех читателей, которым совершенно чужды русские нравы. Поэтому вполне правомерно желание рассказать английским читателям о новом романе г-на Тургенева как о произведении, которое представляет не только местный, национальный, но и общий интерес, тем более что «Атенеум» взял на себя труд знакомить своих читателей с литературной деятельностью г-на Тургенева при выходе в свет каждого его нового произведения.

Сюжет нового романа г-на Тургенева не может не вызвать интереса у тех читателей, которые не только ищут в произведении искусства художественной красоты и законченности деталей, но и изучают общество, изображаемое автором с помощью выведенных им типов. В новом произведении самого выдающегося русского романиста показана русская революционная молодежь в ее борьбе с существующим в стране порядком. Персонажи романа представляют новое общество, формирующееся в атмосфере энтузиазма и сомнений. Именно «Новь» — таково заглавие романа г-на Тургенева — именно социальная новь и те пионеры, которые поднимают ее, орошая своей кровью, — эта социальная борьба в России и составляет содержание романа.

Без сомнения, русская литература последнего времени представлена довольно значительным числом романов, якобы изображающих, а вернее очерняющих, революционное движение в России. Если имена гг. Писемского, Крестовского, Лескова-Стебницкого, Авенариуса, Маркевича и многих других еще не известны лондонской или парижской публике — значит ей повезло; однако это объясняется отнюдь не недостатком рвения со стороны этих господ и, в особенности, со стороны г-на Каткова, который предоставил в их распоряжение свой журнал («Русский вестник»), хорошо известный непримиримой ненавистью к полякам, малороссам, прибалтийским немцам, к самым безобидным русским либералам и, вполне естественно, к наиболее радикальной части русской прессы и русского общества. Упомянутые мною романисты (я прошу извинения у Джорджа Элиот, Золя, Ауэрбаха за то, что применяю к этим господам название, которое может создать впечатление, что я ставлю их в ряд с этими уважаемыми именами) на протяжении примерно тринадцати последних лет изливают непрерывный поток брани на русскую революционную молодежь, которую они изображают как игрушку «польской интриги», как «Панургово стадо», как сброд глупцов и негодяев, как шайку воров, убийц, грязных развратников. Русского читателя, который в течение тринадцати лет поглощал в журнале г-на Каткова эту прелестную «литературу с тенденцией», должно быть сильно удивлял тот факт, что число этой молодежи, столь рьяно предаваемой, столь активно преследуемой явной и тайной полицией, приговариваемой судами к столь суровым наказаниям, возрастало с каждым годом и что в ходе процессов, постоянно заканчивавшихся приговорами к каторжным работам, было обнаружено лишь микроскопическое количество тех «ужасов», которые считались главной характерной чертой русского революционного движения. Впрочем, эта «литература с тенденцией» достигла намеченной цели: г-н Катков платил и до сих пор платит весьма

приличные гонорары поставщикам романов, которые обличают «польскую интригу» или «оргии нигилистов», а русская полиция, которая не блещет особой проникательностью, немало пользовалась более или менее прямыми доносами романистов, добровольно превратившихся в полицейских агентов; многие лица из числа самых безобидных подверглись преследованиям, арестам и еще того хуже потому, что на них указало русской полиции «верноподданническое» перо романистов — сотрудников г-на Каткова. Они вполне добросовестно исполняли свои обязанности тайных агентов.

Крайне прискорбно, что наряду с ними должен быть назван русский романист неоспоримого таланта, разум которого, однако, уже давно помутнен беспощадным недугом. Это г-н Достоевский, которого никто не поставит в один ряд с перечисленными мною выше дельцами, но который также давно уже ведет в своих романах упорную кампанию против русской революционной молодежи. Впрочем, он рисует ее в особой манере: превосходно умея изображать различные ненормальные душевные состояния, он показывает читателю целую галерею различного рода умалишенных. И поскольку возникает мысль, что он вообще не в состоянии создать героя с уравновешенной психикой, его революционеры-сумасшедшие (особенно в «Идиоте» и в «Бесах») не производят столь отталкивающего впечатления.

Когда говорят о г-не Тургеневе, то речь идет не о «романисте с тенденцией», а о художнике по преимуществу реалистическом. Его талант никогда не был на службе у какой-либо партии, у какой-либо идеи. Его поражает какое-то реальное течение, возникающее в окружающей среде; он схватывает характерные черты реальных лиц, вырабатываемых обществом в его историческом развитии; он вдыхает жизнь в персонажи, которых создает; он искренно симпатизирует этим лицам, которые обязаны ему своим существованием, и эта симпатия придает его сочинениям привлекательность, которую, пожалуй, один только Диккенс умел вносить в свои произведения.

Не раз говорили, что г-н Тургенев является выразителем той или иной политической тенденции, возникавшей в русском обществе. Сборник рассказов, принесший ему славу и названный им «Записки охотника», был расценен как одно из лучших выражений идей партии, которая требовала освобождения русского крестьянства. Много позднее, в разгар возникшего среди части русского общества оппозиционного движения, вдохновляемого группой «Современника», роман г-на Тургенева «Отцы и дети» рассматривался консерваторами как жесточайший удар по русским радикалам — «нигилистам», а вокруг главного героя этого романа, типичного представителя «нигилизма», немедленно возникла горячая полемика, ничего общего не имевшая с вопросами искусства. Спустя несколько лет другой его роман — «Дым» — вызвал нападки со стороны всех русских партий как произведение, проповедующее безнадежность и равнодушие ко всему, что делалось в России, и одинаково осуждающее как консерваторов, так и радикалов. Во всех этих восхвалениях и во всех этих нападках была доля истины и доля заблуждения. Весьма сомнительно, чтобы автор «Записок охотника» ставил себе задачу *проповедовать* с помощью своих рассказов освобождение крестьян. Он вовсе не собирался *проповедовать* против «нигилистов», создавая образ Базарова; он был очень далек от того, чтобы *проповедовать* индифферентизм и уныние в своем романе «Дым». Однако современные идеи влияли на г-на Тургенева тем сильнее, что в силу своей артистической натуры он был особенно впечатлительным, а его личные связи, заставлявшие его видеть разные элементы общества с определенной стороны и под определенным углом зрения, делали его суждения несправедливыми в отношении социальных явлений и групп, которые ему не удавалось достаточно близко наблюдать; создавая живые и симпатичные образы, он ярко освещал некоторые стороны русского

Un nouveau roman de M. Tourguineff

De tous les romanciers contemporains, aucun n'a le nom et la réputation
tant en France qu'en Europe, sans nul doute le nom de Mr Tourgueniev est le plus répandu et sa réputation est la plus
amplie. Beaucoup de ses œuvres ont été traduites en français, en
anglais et en allemand. Il est établi à Paris et ses relations
~~personnelles~~^{intimes} avec les sommets du monde littéraire et artistique
de tous les pays ont fait de lui depuis bien longtemps un
secrétaire patrie sur les bords de la Seine et du Rhin. Ses
larges sympathies humaines, qui pénètrent toutes ses œuvres,
à côté du réalisme le plus intime de ses tableaux et de ses
personnages rendent ses œuvres plus faciles à comprendre aux
lecteurs même tout à fait étrangers aux usages et aux
a donc plein droit de parler d'un nouveau roman de M^r
Tourgueniev au public anglais, comme d'une œuvre, qui présente
un intérêt non seulement local et national, mais un inté-
rêt général, d'autant plus que l'Éthérée a eu soin de signaler à

Le sujet du nouveau roman de M. Tourguénief ne peut manquer
par lui-même d'intéresser les lecteurs, ^{qui cherchent dans une} ~~la grande~~ œuvre
à la fois nouvelle et artistique et le fini du détail,
mais qui étudient la société peinte par l'auteur dans ces
types qu'il introduit. C'est la jeunesse révolutionnaire russe
dans sa lutte contre ^{C'est surtout dans la} ~~l'ancien régime~~ ^{la lutte} ~~qui apparaît~~ ^{qui apparaît} ~~ce roman~~ ^{plus clairement}
le pays qui ^{apparaît} ~~présente~~ dans l'œuvre nouvelle ^{de} ~~la~~ ^{la} ~~première~~ ^{la}
moins russe. C'est une société nouvelle, qui s'élaborait dans la
révolution de l'enthousiasme et du doute, que représentent
les personnages du roman. C'est ^{de fait} ~~la~~ ^{la} ~~terre vierge~~ ^{la} ~~terre vierge~~ ^{la}
le titre même du roman de M. Tourguénief c'est ^{la} ~~la~~ ^{la} ~~terre vierge~~ ^{la}
désirable et les premiers qui attaquent cette terre en Russie
de leur sang, ^{c'est} ~~la~~ ^{la} ~~terre vierge~~ ^{la} ~~la~~ ^{la} ~~terre vierge~~ ^{la}
ce roman.

Sans doute la littérature russe de ce dernier temps présente aux
nombreux amateurs de romans, qui ont vu les productions de
peindre au plutoir de salir les ^à ~~graves~~ ^{travaux} rochers en papier.
Li les noms des hommes Pissenski, Krasnopski, ^{Lepkoff} ~~Stefanovitch~~, Ste-
^{et d'autres encore} nariens, Markemitch ^{se sont pas connus} ~~par leurs~~ avec Calcutta & Dombrows
aux de Paris; il l'a échappé belle, mais ce n'est pas à cause
du manque de zèle de ces messieurs et surtout pas à cause du manque
de zèle de la part de Mr Rothsch, qui mène à leur service ses

Les Lecteurs des
indications
sur l'activité
Citté, route de
St. Turquie
n'est pas que
les autres
les autres
autres et
autres

13

общества, и его герои, помимо воли автора, становились типичными выразителями той или иной социальной тенденции. Почитатели «Записок охотника» становились поборниками освобождения крестьян. Враги «нигилистов» и даже бóльшая часть самих русских нигилистов отождествляли свои стремления с образом Базарова. Генералы и радикалы в «Дыме» внушали читателям неверие в будущее русского общества, и сам роман, прокомментированный лирической прозой тургеневского отрывка «Довольно!», стал типичным выражением разочарования и скептицизма, характерных для всех классов России во второй половине 60-х годов. Во всех этих случаях г-н Тургенев просто посвящал свой талант выражению тенденции, которая преобладала в русском обществе в определенную эпоху.

В качестве симптомов состояния общества эти произведения следует рассматривать в двух различных планах. С одной стороны, — и в этом их главная ценность, — они указывали на существование в русском обществе известного явления, которому современники еще не придавали значения, но которое не ускользнуло от тонкой наблюдательности художника. Однако верность понимания наблюдаемого явления зависела главным образом от окружения, в котором находился автор, и от того, насколько для него было возможно изучение представителей той или иной тенденции. Таким образом, названные выше произведения г-на Тургенева резко подчеркнули то значение, которое с каждым днем приобретал для России в конце 40-х годов вопрос освобождения крестьян, в начале 60-х годов — русский нигилизм, а в конце того же десятилетия — социальное разочарование вообще. Но эти произведения, столь выдающиеся и с точки зрения художественной и как симптомы социальных изменений, изображали состояние русского общества неполно, потому что у автора не было возможности расширить свои наблюдения, и потому, также, что он писал художественное произведение, а не научное исследование русского общества определенной эпохи. Так, в «Записках охотника» не нашли отражения кровавые бунты русских крепостных крестьян, бунты, сопровождавшиеся непрерывными убийствами помещиков и поджогами их имений. Равным образом в романе «Отцы и дети» представлено лишь два-три типа «нигилистов», а другие очень важные для этого движения группы автору вовсе не удалось наблюдать. Отмечая общую разочарованность, характерную для конца 60-х годов, г-н Тургенев не смог уловить никаких симптомов того возрождения социального энтузиазма, которому было суждено через несколько лет создать новое поколение апостолов и мучеников социализма в России, того возрождения, которое заставило самого писателя датировать 1868 годом (если не ошибаюсь, это год выхода в свет романа «Дым»¹) события своего последнего романа. Г-н Тургенев всегда был и до сих пор остается человеком, не принадлежащим к определенной партии, не «романистом с тенденцией», не мыслителем, намеренно ставящим перед собой задачу всестороннего объяснения определенной фазы общественного развития, а художником, который рисует живую картину важного социального явления, но картину неполную, взятую с точки зрения, подсказанной ему окружающей обстановкой, картину, в которой полностью отсутствует — как во всяком произведении искусства — множество точек зрения на то же явление, точек зрения правильных и важных, но лежащих вне горизонта автора.

Новый роман г-на Тургенева следует рассматривать под этим же углом зрения. Никто из сколько-нибудь знакомых с автором и его прошедшим не может подумать ни на минуту, чтобы г-н Тургенев был демагог, или даже чтобы он симпатизировал людям насильственного и кровавого переворота. Он как художник снова схватил здесь характерные черты современного русского общества. Он опять оставил в стороне многие точки зрения, входящие в рассматриваемый им вопрос. Он снова создал несколько живых

ПОРТРЕТЫ ЖЕНЩИН ИЗ ЧИСЛА ОСУЖДЕННЫХ ПО «ПРОЦЕССУ ПЯТИДЕСЯТИ»,
14 МАРТА 1877 г.

Фотографии (монтаж), 1877

У каждого портрета — фамилия осужденной и приговор. В центре: «Осуждены, после двух лет одиночного заключения, за социально-революционную пропаганду» (весь текст на английском языке)

Литературный музей, Москва

«... из 52-х политических преступников—18 женщин!! А мне г-да критики говорят, что я выдумал Марианну, что таких личностей не бывает!» (Тургенев)

типов, которые навлекут на него ругательства одних, симпатии других. Он набросал несколько симпатичных или поразительных сцен, которые останутся в литературе. Укажу мимоходом на сцену ссоры и примирения двух соперников в главе XXI, на две полных глубокого психологического смысла сцены между героем и героиней романа в главах XXVIII и XXXIII и, наконец, на сцену самоубийства в главах XXXVI—XXXVII, не говоря уже о сцене между двумя женщинами в главе XXVI и о фигуре либерального сановника с его блестящими речами и его деятельностью, которая заканчивается шпионажем и полицейским доносом во имя гражданского долга в главе XXXV. Он создал несколько картин природы, какие мало кто из современных писателей способен создавать. Но я не буду останавливаться на всех этих деталях. В этом отношении уже предшествующие произведения г-на Тургенева показали всю меру его таланта; в этом отношении новый роман не лучше и не хуже предыдущих; к тому же для английского читателя, который не читал романа или прочтет его в переводе, пришлось бы выписывать большие отрывки, и все равно большая часть прелести оригинала исчезла бы в переводе. Я буду говорить главным образом о значении нового романа как выражения русского общественного развития последних лет.

Господствующее впечатление, получаемое при чтении романа, заключается в том, что наблюдатель-художник был живо поражен важностью революционного движения среди русской молодежи. Группа, составляющая центр всего рассказа и привлекающая симпатии читателя, несмотря на свои недостатки, — это группа молодых людей, глубокие убеждения которых сделали их врагами порядка вещей, существующего в России. Они живут своим трудом; они горды своей бедностью; они ищут не выгодной карьеры или личного счастья; они хотят «служить» народу, подавленному господствующими классами; они хотят для него действительной свободы; они хотят поднять его против существующего строя. Типы революционеров, которые выводит г-н Тургенев, очень разнообразны. Тут и одержимый идеей революции желчный энтузиаст, человек с ограниченным умом, Маркелов; он доверяется людям, которые его предают, его схватывают и выдают властям те самые крестьяне, за которых он готов отдать жизнь. Тут и акушерка, революционерка, полная решимости, угловатая, скупая на слова, готовая, как солдат, выполнять получаемые ею приказы: передать письмо, принять участие в мятеже; это — Машурина. Тут и юная убежденная энтузиастка Марианна, героиня романа, которая отказывается от всех жизненных благ, чтобы «служить народу», которая жаждет революционной деятельности и мученичества за правое дело. Тут и уравновешенный революционер, который знает, как слаба еще партия, понимает невозможность такого скорого торжества революции, которого жаждут и на которое надеются его товарищи; но он знает также, «что нет другого пути» к достижению лучшего будущего для русского народа; постепенно он завоевывает неоспоримый авторитет среди этих людей; он умеет покорять друзей обаянием своей симпатичной личности, а врагов и равнодушных людей своим умственным превосходством; это Соломин, который пользуется, очевидно, полным сочувствием автора. Тут, наконец, и случайно попавший в среду революционеров студент-филолог, побочный сын вельможи, унаследовавший артистические замашки и скептицизм, что мешает ему близко сойтись с крестьянами и полностью отдаться делу революции; в глубине души он не верит ни в революцию, ни в свою деятельность; но он стыдится своего скептицизма, он старается заглушить его; он требует действий тем энергичнее и устремляется в революционное движение с тем большим фанатизмом, что ему необходимо подавить в глубине собственной души тайное отвращение и терзающие его сомнения; но наступает момент, когда он больше не может сохранять иллюзий относительно своей мораль-

ной несостоятельности, и ему ничего не остается, как только покончить жизнь самоубийством. Это Нежданов, главный герой романа, новая разновидность типа лишних людей, отщепенцев из русской интеллигенции, один из тех типов, целая вереница которых проходит через все повести и все романы г-на Тургенева.

Личности этой центральной группы представляют весьма различные типы и различаются еще более между собой способностями, умом; но всех их характеризует одна общая черта, резко отделяющая их от людей другой группы, вызывающая к ним любовь и уважение, несмотря на их недостатки, несмотря на их явные ошибки, несмотря на недостаток ума у одних из них и на комический оттенок, который имеют иногда их приемы деятельности. Эта черта заключается в том, что они суть представители иной, высшей нравственности, не нравственности условной, но той глубокой нравственности, которая убивает всякий эгоизм, всякое личное вожделение, придает людям характер искренности и делает их способными на все жертвы для класса несчастных и обездоленных, для достижения лучшего устройства общества. Г-н Тургенев в своем романе почти не коснулся теоретических основ революционных идей, получивших распространение в России, — из-за недостаточного с ними знакомства, или вследствие цензурных ограничений, или по каким-либо другим причинам. Вместе с тем нравственный облик русского революционера, оклеветанного романистами школы г-на Каткова, впервые показан здесь так, что читательская масса может, наконец, оценить значительность современного движения в России, увидеть источник этого движения, опирающегося, казалось бы, лишь на горстку людей и обладающего столь скудными средствами. Вспомним двух соперников (гл. XXI), из которых один терзается всепоглощающей ревностью, в то время, как другой еще не оправился от нанесенного ему смертельного оскорбления, — вспомним, как они оба, несмотря ни на что, протягивают друг другу руки во имя общего дела. Вспомним, как молодой человек, страстный и влюбленный, не дает воли своему темпераменту, когда прелестная женщина, предмет его страсти, говорит ему (гл. XXVIII): «Если ты любишь меня настоящей любовью, возьми меня; я твоя»²; и он не смеет отдаться своему чувству, ибо в глубине души не уверен в том, что это — настоящая любовь, и не чувствует себя достойным. Вспомним двух женщин, противостоящих друг другу (гл. XXVI): верную супругу, не совершившую ни одной «ошибки», хотя она и доводила поклонников своим кокетством до самоубийства, и юную девушку, сказавшую человеку, за которым пошла беззаветно, не помышляя о браке: «возьми меня, если ты меня любишь». Вспомним, как она сказала той, «непорочной»: «Я уверена в том, что я гораздо честнее вас!» — и читатель не может не признать, что она права. Вся эта группа преобразователей общества дышит атмосферой чистоты, искренности, самоотверженности и уважения к честному труду. И даже, когда бремя оказывается для них непосильным, когда большая их часть, не выдержав гнета, падает, мы готовы сказать вслед за автором: «Поднимать следует новь не поверхностно скользящей сохой, но глубоко забирающим плугом». Да, говорим мы себе, не Маркеловым, Неждановым и Машуриным дано поднять русское крестьянство на восстание. Такие, как Соломин, могут подготовить почву, но и им не под силу разбудить крестьян. И если писатель прав, если в самом деле в настоящую минуту в лагере русской революции имеются лишь типы, подобные тем, что он описал, то до русской революции далеко, очень далеко.

Но прав ли он? Нет ли в наблюдениях писателя пробела? Не ускользнул ли от его внимания другой тип, тип революционера более оснащенного и деятельного, нежели его герои, более способного придать стремительность движению? Те, кто имел возможность ближе узнать русскую революционную молодежь, ответят, вероятно, на этот вопрос утвердительно. Впрочем,

Das Kapital.

Kritik der politischen Oekonomie.

Von

Karl Marx

Zweiter Band.

Buch II: Der Circulationsprocess des Kapitals.

Herausgegeben von Friedrich Engels.

Das Recht der Uebersetzung ist vorbehalten.

Amon ami P. Lavrov
London 11. Juli 1885.
F. Engels

Hamburg

Verlag von Otto Meissner.
1885.

«КАПИТАЛ» КАРЛА МАРКСА С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ
ФРИДРИХА ЭНГЕЛЬСА П. Л. ЛАВРОВУ:

«Моему другу П. Лаврову. Ф. Энгельс. Лондон, 11 июля 1885» (на французском языке)

Титульный лист второго тома (Гамбург, 1885). Издание подготовлено Ф. Энгельсом

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Москва

они ли правы, или другие, близко ли торжество революции, далеко ли, или оно вообще невозможно, прочитав роман г-на Тургенева, всякий будет вынужден признать, что изо всех группировок, которые писатель предлагает вниманию читателя, только эта обладает нравственной силой, не преследует эгоистических целей, не ищет наслаждений, свободна от личного честолюбия и готова трудиться с жаром и самоотвержением ради будущности русского народа. Всякому становится ясно, что только среди этих людей следует искать истинных друзей общественного прогресса.

Писатель противопоставляет им представителей революционной рутины, с одной стороны, а с другой — поборников государственного либерализма и ретроградную партию хищных собственников (мы здесь не останавливаемся на двух-трех представителях старой школы, которых автор ввел в свое повествование в виде эпизода и, на наш взгляд, совершенно неуместно). Вот перед нами Паклин, хвостун, который бранит все направо и налево, не годный ни к какому полезному действию, готовый на любой компромисс и заслуживающий, наконец, презрение товарищей, пострадав-

Das Kapital.

Kritik der politischen Oekonomie.

Von

Karl Marx.

Dritter Band, erster Theil.

Buch III:

Der Gesamtprocess der kapitalistischen Produktion.

Kapitel I bis XXVIII.

Herausgegeben von Friedrich Engels.

Das Recht der Uebersetzung ist vorbehalten.

Hamburg

Verlag von Otto Meissner.

1894.

«КАПИТАЛ» КАРЛА МАРКСА С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ
ФРИДРИХА ЭНГЕЛЬСА П. Л. ЛАВРОВУ:

«Петру Лаврову Фридрих Энгельс. Лондон. 1 янв(аря) 1895 г.»

Титульный лист третьего тома (Гамбург, 1894). Издание подготовлено Ф. Энгельсом
Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Москва

ших из-за его безответственности. А вот Кисляков, революционный корреспондент à vareur *, скачущий без причины и смысла из одного конца России в другой, рассылающий во все концы пачки писем, — ничтожество, всецело поглощенное самим собой. Вот Голушкин, тщеславный купец, спекулирующий революционными идеями и в минуту опасности предающий все и вся. Где-то, на заднем плане, ибо он так ни разу и не появляется на сцене, маячит деспотическая фигура предводителя революционеров, Василия Николаевича (писатель, должно быть, имеет в виду Нечаева), отдающего бессмысленные распоряжения и посылающего своих сторонников принимать участие в неосуществимых бунтах. Все это — пыль и мусор, забившиеся в новые машины и изнашивающие их прежде времени, мешая им успешно производить свою работу. С другой стороны, мы видим Сипягина, либерального оратора и будущего министра, и Калломейцева, защитника собственности и религии. Эти люди только и говорят, что о сво-

* стремительный (франц.).

боде и о великих консервативных принципах, все их разглагольствования посвящены государственности и патриотизму, а в конце концов они становятся обыкновенными осведомителями и шпионами полиции. Рядом с ними мы видим госпожу Сипягину, эту безупречную жену, красавицу с медоточивыми речами и мелкими, злыми страстишками, мягко подталкивающую мужа на свершение неслыханных подлостей. Таковы представители господствующих классов. От своих отцов — рабов деспотизма — они унаследовали душевную испорченность, а из знакомства с Европой почерпнули одно лишь лицемерие да громкие слова, которыми прикрывают свою насквозь прогнившую сущность. Если и в самом деле «порядок» на Руси не может похвастаться более достойными сторонниками, нежели господа Сипягины и Калломейцевы, то он хуже всякого беспорядка. В таком случае упования революционной партии более чем оправданы, а продление настоящего положения вещей — народное бедствие, ибо оно не что иное, как торжество безнравственности.

Таков аспект общественной борьбы, отраженной в этом новом романе. Острота наблюдательности писателя не позволяет усомниться в том, что движение, избранное им в качестве объекта исследования, достигло достаточно внушительного размаха и является господствующим. Число политических арестов, произведенных за последние годы; секретный циркуляр 1875 г., подтверждающий наличие в 1874 году революционных центров в тридцати семи губерниях³; две демонстрации, имевшие место в Петербурге в 1876 г.⁴; относительно широкое распространение революционных брошюр в России (так, упомянутая г-ном Тургеневым в романе «Хитрая механика» — писатель допустил ошибку на шесть лет в датировке ее — выдержала, если мы не ошибаемся, четыре издания на протяжении двух лет), — все эти факты подтверждают значительность движения. Прошлое г-на Тургенева и его личные свойства характера, отнюдь не демагогического, убеждают в том, что у него не было никаких причин сгущать краски при описании этого движения. Если в этом романе г-на Тургенева *все* честные и искренние люди, независимо от их умственных способностей, являются сторонниками революции, то это весьма примечательно, особенно когда речь идет об авторе, который в своем творчестве всегда подчинялся исключительно требованиям художественного реализма, чем и навлекал на себя нападки то одной, то другой партии. Без сомнения, английские читатели, знакомые с недавно вышедшей в свет работой г-на Д. Макензи Уоллеса о России, будут немало удивлены тем, что русский романист придает такое большое значение «foolish youth» * («Россия», II, 416), которой г-н Уоллес уделил всего несколько строк в двух толстых томах своего весьма добросовестного исследования, посвященного современной России⁵. Этим читателям самим надлежит решить, кто может с большей проницательностью судить о моральной и социальной ценности партий в России.

Можно предвидеть, что этот общественный роман навлечет на г-на Тургенева нападки еще более язвительные, чем те, которым он подвергался раньше. Русские либералы и ретрограды будут кричать о несправедливости, о клевете. Революционеры осудят его главным образом за сатирическое описание революционной среды, за нелепые положения, в которые он иногда ставит лучших представителей их партии, за ошибки в изображении революционной практики; в то же время революционеры недооценят ту моральную высоту, на которую г-н Тургенев поднимает их партию. Я сказал выше, говоря о прежних произведениях г-на Тургенева, что эти произведения представляют всегда неполную картину наблюдаемого им движения; это справедливо и для этого романа. Его личные отношения позволили ему наблюдать и выразить лишь одну сторону революционного движения в России. Было бы очень интересно проследить,

* легкомысленной молодежи (англ.).

какие стороны социального положения современной России ускользнули от взора художника, а какие он умышленно оставил в стороне, но это знало бы гораздо больше места, чем то, на которое может претендовать настоящая статья и за пределы которого я уже, вероятно, перешел. Итак, я вынужден отказаться от всякой попытки серьезно исследовать этот вопрос и должен буду ограничиться несколькими строчками в заключение.

Широкие связи г-на Тургенева с влиятельными лицами из среды русских правящих кругов и русского общества в целом дали ему полную и неограниченную возможность наблюдать различные типы русского консерватизма и государственного либерализма. Если он пришел к выводу, что эти партии могут быть достойно представлены Сипягиными и Калломейцевыми, то, значит, совесть художника заставила его признать, что это типы, характерные и преобладающие в настоящее время. Здесь он не мог погрешить из-за недостаточной осведомленности.

Совсем иначе обстоит дело с русскими революционерами. Изучение типов нелегальной конспиративной партии вообще сопряжено с большими трудностями, и вполне вероятно, что г-н Тургенев не имел возможности наблюдать их достаточно пристально. Этим могут быть объяснены некоторые ошибки в деталях, некоторое смещение движения 1863—1870 годов (именно о нем говорит г-н Тургенев) с движением 1873—1876 годов, носившим совершенно другой характер, — к нему-то и относятся многие лица и многие события романа. Этим же объясняется полное отсутствие, о чем я уже говорил выше, некоторых очень характерных и даже преобладающих в современном движении типов, которых художник не смог бы обойти, если бы ему довелось их наблюдать.

В заключение я хочу сказать следующее: из романа г-на Тургенева как будто следует, что по наблюдениям автора русский крестьянин и русский рабочий еще не подготовлены к восприятию революционной пропаганды. Если бы речь у него шла о 1868—1870 годах, может быть, он и был бы прав; однако участвовавшие за последние годы аресты и осуждения значительного числа рабочих, крестьян, солдат, обвиняемых в революционной пропаганде, указывают на то, что за эти несколько лет в данном вопросе, как и во многих других, произошли изменения. Впрочем, все это частности, в целом же роман г-на Тургенева, который только что опубликован в январском и февральском номерах «Вестника Европы» и который, по-видимому, уже переводится в «Le Temps»⁶, не только представляет эстетическое наслаждение, но и радует как опыт социального исследования.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Роман «Дым» был опубликован в «Русском вестнике», 1867, № 3; в 1868 г. вышло в свет отдельное издание романа.

² Лавров передает здесь в сокращенном виде следующие слова Марианны, обращенные к Нежданову: «Алеша, ты знаешь, что когда ты мне скажешь, как честный человек — а я тебе верю, потому что ты точно честный человек, — когда ты мне скажешь, что ты меня любишь той любовью... ну, той любовью, которая дает право на жизнь другого, — когда ты мне это скажешь, — я твоя». В последующих строчках, снова обращаясь к тем же словам Марианны, Лавров также передает их содержание, не стремясь к точности цитаты.

³ Возможно, имеется в виду записка гр. Палена о результатах судебного следствия по делу о революционной пропаганде в 37 губерниях России, изданная за границей («Записка министра юстиции графа Палена. Успехи революционной пропаганды в России»). Издание второе. Женева, типография газ. «Работник», 1875).

⁴ Демонстрация учащихся 30 марта 1876 г. во время похорон народника-революционера П. Ф. Чернышева и демонстрация 6 декабря 1876 г. на Казанской площади.

⁵ Речь идет о двухтомном труде Дональда Мэкензи Уоллеса (р. 1841) — «Russia» (1877), написанном им после шестилетнего пребывания в России. Наряду с верными наблюдениями, книга заключала в себе поверхностные суждения о русской жизни.

⁶ Французский авторизованный перевод «Нови» под заглавием «Les Terres vierges» был напечатан в газете «Le Temps» с 24 января по 25 марта 1877 г.